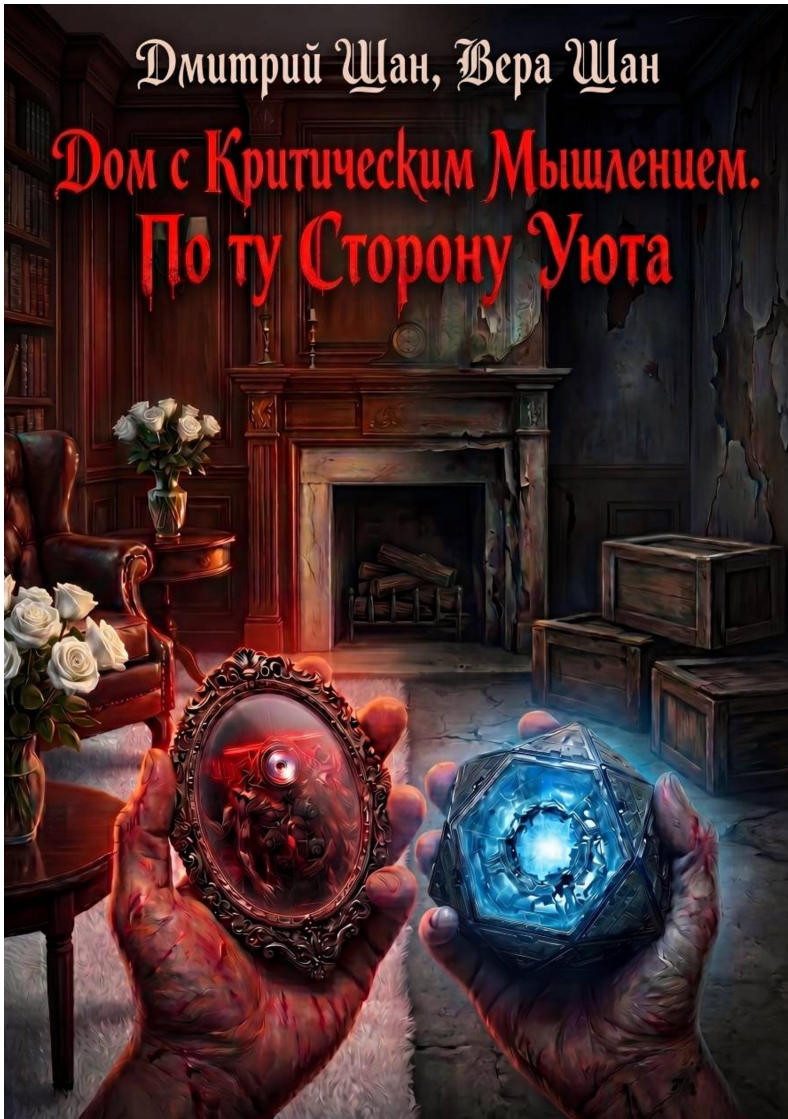

Дмитрий Шан, Вера Шан

Дом с Критическим Мышлением. По ту Сторону Уюта

**Вера Шан
Дмитрий Шан
Дом с критическим
мышлением. По
ту сторону уюта**

*<https://litres.ru/73849261>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Добро пожаловать в Дом, где законы физики сломаны, а пространство меняется, стоит лишь отвернуться. Главный герой заперт в бесконечной череде комнат, лишенный памяти и надежды на помощь. Его единственный ориентир — зеркало, его последняя надежда - Призма. Но Дом не просто играет со своим пленником, он охотится на него, используя красоту, эйфорию и уют как изощренное смертельное оружие. У героя нет прошлого, но чтобы выгрызть себе будущее, ему придется принять правила игры, в которой нельзя останавливаться.

Вера Шан, Дмитрий Шан

Дом с критическим мышлением. По ту сторону уюта

Холод крался по щеке, настойчиво и медленно, словно живое существо.

Он открыл глаза. Первым, на чём сфокусировался мутный взгляд, был узор ковра — бордовые вензеля, переплетающиеся в бесконечные, раздражающие глаз лабиринты. Ворс пах застарелой пылью и чем-то неуловимо приторным, похожим на запах высохших яблок.

Он попытался опереться на руки и сесть. Голову мгновенно пронзила тупая, пульсирующая боль, от которой перед глазами поплыли чёрные круги. Но страшнее физической боли было то, что скрывалось за ней. Вернее, то, чего там не было.

Пустота.

Он попытался вспомнить, как оказался на этом ковре. Ничего. Как его зовут? Тишина. Лицо матери, адрес дома, вкус любимого кофе — всё исчезло, стёртое безжалостным ластиком. В черепной коробке гулял сквозняк, оставив лишь базовые инстинкты и странную, холодную расчётливость, ко-

торая шептала: «Не паникуй. Оцени обстановку».

Очаг тепла в правой ладони заставил его разжать пальцы. Там лежал предмет. Тяжёлый, металлический, состоящий из сложных геометрических граней — Призма. Внутри неё, под прозрачным защитным стеклом, бился тусклый синеватый свет. Он пульсировал в ритме человеческого сердца. Предмет казался технологичным, чужеродным в этой обстановке, но главное то, что в нём не хватало деталей. В центре металлической конструкции была пустая рваная выемка. Не хватало важнейшей детали, стержня, без которого свет Призмы казался больным и угасающим.

Он с трудом поднялся на ноги, пряча Призму в карман тёмной куртки, и огляделся.

Комната выглядела издевательски уютной. Камин в углу, два мягких кресла, книжные полки из тёмного дерева. Но чем дольше он смотрел, тем сильнее становилось чувство тошнотворной неправильности. В камине аккуратно лежали дрова, но не было ни пепла, ни запаха гари — он никогда не горел. На корешках толстых книг не было ни одного названия, лишь слепые тиснения. Настенные часы с маятником мерно тикали, отсчитывая секунды: тик-так, тик-так, но на их циферблате отсутствовали стрелки.

Это была не комната. Это была декорация, собранная кем-то, кто видел уют, но никогда его не чувствовал.

Его взгляд метнулся к стене. Два больших окна были плотно задёрнуты тяжёлыми бархатными шторами цвета за-

пёкшейся крови. Инстинкт требовал света. Требовал увидеть улицу, людей, чтобы зацепиться за реальность.

Он шагнул к окну, ухватился за край плотной ткани и резко дёрнул её в сторону.

Металлические кольца с визгом проехали по карнизу. Человек отшатнулся, изумившись от увиденного.

За окном не было улицы. Не было неба. Вместо стекла в раму было вставлено идеально чистое, гигантское зеркало.

Оттуда на него смотрел мужчина с растрёпанными тёмными волосами, бледным лицом и глазами, полными непонимания. Отражение комнаты за его спиной уходило вглубь, но... оно было другим. В зеркале освещение казалось болезненно-желтым, а тени от мебели ложились под неестественными углами.

Сглотнув слюну, он бросился к двери. Массивная ручка поддавалась легко. Он выскочил в узкий коридор, оклеенный полосатыми обоями. Вдохнув спёртый воздух, он обернулся, чтобы запомнить комнату, из которой вышел.

Он потянул ручку на себя, открывая ту же самую дверь. Гостиной не было. За порогом, словно по волшебству или чьей-то неудачной шутке, виднелась совсем другая комната. Это была детская спальня. Он отступил на шаг, чувствуя, как холодный пот выступает на позвоночнике. Дом не подчинялся законам физики. Он был живым, текучим, меняющим свою архитектуру стоит лишь отвернуться. Искать выход обычным способом не имело смысла.

Внезапно свет в комнате мигнул и погас на секунду. Когда он загорелся вновь, посреди комнаты стояла детская фигура.

Это был маленький мальчик, лет десяти. Он был одет в чистый костюмчик. Лицо ребёнка было неестественно бледным, почти прозрачным, а глаза... в них была такая глубина древней, застывшей скорби, которая никак не вязалась с детскими чертами.

Мужчина замер, не зная, защищаться или позвать на помощь.

Мальчик не издал ни звука. Он не был похож на угрозу. Ребёнок медленно поднял руку с тонкими, изящными пальцами и молча указал вглубь коридора, в котором находился оцепеневший от удивления и непонимания мужчина. Мальчик указывал на ещё одну дверь в конце коридора.

— Кто ты? — голос мужчины прозвучал хрипло, словно он не говорил годами.

Мальчик не ответил. Он просто сделал шаг назад. Свет снова мигнул и иллюзия исчезла, оставив после себя лишь небольшое зеркало, одиноко лежащее на полу, где минуту назад был силуэт ребёнка.

Мужчина вновь остался один. Без имени, без прошлого, запертый в Доме, который менял форму и дышал ему в затылок. В кармане обжигаяще пульсировала сломанная Призма. Он подошёл и поднял зеркало, оставленное странным гостем.

Оно было тяжёлым, в массивной серебряной оправе, по-

крытой потемневшей от времени патиной. Стекло обдало пальцы неестественным холодом. Мужчина взгляделся в отражение. Оттуда на него смотрели его собственные уставшие глаза.

Никаких искажений. Обычное карманное зеркальце. Но инстинкт, тот самый холодный внутренний голос, приказал спрятать его во внутренний карман куртки, поближе к сердцу.

Он медленно выдохнул и обернулся к дверному проёму, через который попал в детскую комнату. Мужчина шагнул назад в коридор, закрыв за собой дверь, и, не отпуская латунную ручку, вновь открыл её.

За дверью не было ни детской, ни гостиной. Его взгляду открылась тесная, залитая тусклым жёлтым светом ванная комната. На дне грязной чугунной ванны монотонно отбивала ритм вода: *кап... кап... кап...*

Он резко захлопнул дверь. Сердце ускорило свой бег, вступая в диссонанс с ритмом мерцающей в кармане Призмы.

«Не может быть. Это просто трюк. Голограмма. Механизм».

Пазл сошёлся. По спине пробежал ледяной озноб, когда он окончательно осознал единственное правило этой больной архитектуры.

Дом тасовал комнаты, как колоду карт, стоило лишь закрыть дверь. Здесь не было плана здания. Не было пути на-

зад. Любая закрытая дверь навсегда стирала то, что оставалось за спиной. Возврат был физически невозможен. Пространство существовало только здесь и сейчас, в той точке, где он находился.

Паника, липкая и удушливая, попыталась захватить разум, но профессиональный, натренированный блок внутри его стёртой личности сработал безотказно. Дыхание выровнялось. Взгляд заледенел. «Раз пути назад нет, значит, выход нужно искать впереди. Двигайся».

Он развернулся и посмотрел в другой конец узкого коридора. Туда, куда несколько минут назад указал тонкий палец мальчика-призрака. Там виднелась ещё одна дверь — из тёмного резного дерева. Единственный ориентир в этом хаосе.

Мужчина пошёл вперёд. Шаги глухо отдавались от стен. Коридор оставался статичным, обычным, словно Дом замер, с интересом ожидая его следующего хода.

Остановившись перед резной дверью, он на секунду прикрыл глаза. Призма в кармане пульсировала, словно второе сердце. Он не знал своего имени, но точно знал одно: он не станет покорной жертвой этого Лабиринта.

Он крепко обхватил ручку и толкнул дверь.

Мужчина замер, на мгновение ему показалось, что он ослеп — настолько ярким был излучающий из новой комнаты свет после сумерек коридора. Ему открылся вид на просторный зал, напоминающий изысканную оранжерею викторианской эпохи. Стены были оклеенные светлыми обоями

с тонким, едва различимым цветочным узором, который терялся за каскадами живых растений. В углах на высоких подставках замерли фарфоровые вазы, расписанные лазурью, а с потолка свисали хрустальные люстры, в которых дрожало мягкое, медовое сияние.

Он зашёл в этот прекрасный зал, тяжёлая резная дверь закрылась за его спиной с тихим, маслянистым щелчком, который тут же утонул в густом, плотном воздухе новой комнаты. Аромат ударил в лёгкие внезапно и властно. Пахло розами. Тысячами свежесрезанных белых роз. Запах был настолько концентрированным, что казался почти осязаемым, оседая на губах приторным, нектарным вкусом. Он сделал глубокий вдох и колючая настороженность, горевшая в его мозгу всё это время, начала медленно гаснуть.

— Здесь... спокойно, — прошептал он. Его собственный голос показался ему странно далёким, убаюкивающим.

Он начал медленно обходить комнату. Под ногами был мягкий, ворсистый ковёр цвета слоновой кости, поглощавший звук шагов. Мужчина провёл рукой по лепесткам одной из роз, стоявших в вазе. Они были прохладными, влажными и пугающе идеальными — ни одного залома, ни одной сухой чешуйки. На полках стояли фарфоровые статуэтки пастушек и ангелов, их стеклянные глаза смотрели на него с безмятежным обожанием.

Всё в этой комнате кричало о покое. О триумфе красоты над хаосом. Появилось ощущение спокойствия и покоя.

Он почувствовал, как его веки становятся невыносимо тяжёлыми. Каждая клетка тела налилась свинцовой усталостью, словно он тащил на себе неподъёмный груз долгие годы. Резкая боль в голове, терзавшая его с момента пробуждения, сменилась мягкой, обволакивающей пульсацией.

В центре оранжереи, среди зарослей папоротника и вьющегося плюща, стояла изящная кушетка, обитая изумрудным бархатом. Она манила его, обещая избавление от всех вопросов.

— Всего минуту... — пробормотал он.

Его мысли путались, превращаясь в розовый туман. Он забыл о запертых дверях, о сломанной Призме. Всё это казалось теперь нелепым сном. Реальностью был только этот аромат и мягкость бархата, который он уже чувствовал кончиками пальцев.

Он позволил себе опуститься на кушетку. Пружины мягко просели, принимая его тело. Откинувшись на расшитые подушки, его сознание начало соскальзывать в бездонную, сладкую пропасть. Глаза закрылись сами собой.

И в этот момент, когда грань между бодрствованием и вечным сном почти стёрлась, Призма во внутреннем кармане куртки обожгла его кожу ледяным, яростным импульсом.

«Не спать», — резанула мысль, холодная и острая, как скальпель хирурга.

Его глаза распахнулись. Он всё ещё видел уютную оранжерею, но теперь, сквозь пелену сонного дурмана, он заме-

тил то, чего не видел минуту назад: тени от фарфоровых ваз не дрожали от мерцающего света люстр. Они были статичными, словно нарисованными на полу. А белые розы в вазах... они не колыхались от его дыхания.

Дрожащей рукой он залез в карман и вытащил серебряное зеркальце. Медленно, преодолевая сопротивление собственного ватного тела, он поднял его перед собой.

В маленьком овале отражения реальность взорвалась кошмаром.

Никакой оранжереи не было. Он сидел не на бархатной кушетке, а на гнилом, покрытом плесенью деревянном ящике. Стены вокруг него в зеркале были вздутыми багровыми венами, которые ритмично качали чёрную желчь.

И самое страшное: в отражении прямо позади него стояла Она.

Её тело было сплетено из мёртвых, сухих лоз и почерневших стеблей, а вместо головы тяжело покачивался бутон розы, из которого сочилась ядовитая чёрная слизь. То, что наяву казалось благоухающим ароматом, в зеркале выглядело как густой, удушливый чёрный дым, извергающийся из зева монстра и заполняющий лёгкие.

Монстр не издавал ни звука. Она медленно подняла свою правую руку-плеть, усеянную шипами.

Мужчина успел лишь на секунду отвести взгляд от зеркала. В реальности ничего не изменилось — всё та же тихая оранжерея. Но внезапно его горло сдавило так сильно, что

он захрипел, падая с кушетки на колени. Невидимая удавка перекрыла кислород.

Он посмотрел в зеркальце: в отражении лоза туго обви-
лась вокруг его шеи, а шипы уже впивались в плоть.

Очаг тепла в другом кармане — сломанная Призма — за-
пульсировал быстрее, предупреждая об опасности.

«То, что происходит в зеркале — убивает по-настояще-
му».

Мужчина рванулся в сторону, пытаясь разорвать захват,
но пальцы лишь беспомощно скользили по собственной ко-
же. Наяву его горло сжимала пустота, но в маленьком сереб-
ряном овале он видел, как шипы глубоко уходят в его плоть,
и по шее в зазеркалье струится густая чёрная жидкость.

Смерть была здесь, в этой комнате, замаскированная под
аромат цветов и лазурь фарфора.

С этого момента он смотрел только в зеркальце, как в
экран радара. Он увидел, что всё пространство вокруг него
прошито тонкими, почти прозрачными нитями-лозами. Они
свисали с люстр, тянулись от ваз, оплетали ножки кушетки.

Монстр — существо с розой вместо головы — медленно
приближалось. Каждый её шаг в зеркале отзывался в реаль-
ности тяжёлым, влажным хлопаньем, хотя ковёр под нога-
ми оставался сухим и чистым, были видны только отпечатки
следов.

Борясь с подступающей темнотой в глазах, он думал — «В
этой безупречной лжи должно быть что-то настоящее».

Он начал лихорадочно водить зеркальцем из стороны в сторону, задыхаясь и кашляя. Внезапно в углу зеркального отражения что-то блеснуло. Среди багровых пульсирующих вен на стене стоял маленький изящный столик, на котором красовалась пышная, сияющая белизной роза в хрустале — венец всей этой лживой оранжереи. Но наяву на этом месте стояла лишь треснувший керамический горшок, в котором торчал сморщенный, давно мёртвый и засохший бутон на ломком, почти чёрном стебле. Истина, лишённая красок, спрятанная за ширмой эйфории.

Монстр в зазеркалье замахнулся плетью. Мужчина инстинктивно бросился в сторону, уходя из-под удара. В зеркале плеть с хрустом перебила спинку кушетки и в тот же миг в реальности «бархатная» мебель взорвалась облаком щепок и гнилой пыли. Для обычного глаза это выглядело так, будто невидимый снаряд разнёс её в труху — физика в этом безумном месте была едина.

Не теряя ни секунды, он рванулся к столику. Лоза на шее натянулась до предела и его голову резко дёрнуло назад. Задыхаясь, он протянул руку к треснувшему горшку и схватил засохший, ломкий бутон.

Он посмотрел в зеркальце: в отражении его пальцы сжимали ту самую сияющую белизной розу в хрустале — иллюзорное сердце этой аномалии.

Монстр издал беззвучный вопль, его тяжёлый влажный бутон хищно раскрылся, обнажая ряды острых, как иглы,

шипов. Плеть взметнулась для последнего, смертельного удара.

Из последних сил он сжал сухой цветок, который с костяным хрустом рассыпался в прах, а в зеркале идеальная белая роза взорвалась мириадами хрустальных осколков.

Оранжерея умирала в агонии. Свет в хрустальных люстрах мигнул и погас, сменившись мертвенным, холодным мерцанием голого бетона.

Мужчина тяжело рухнул на пол. Сладкий, одурманивающий аромат исчез мгновенно, уступив место резкому запаху плесени и застоявшейся воды. Невидимая удавка пропала, но кожа на шее горела огнём. Он посмотрел на пальцы — на них осталась настоящая, красная кровь.

Идеальный «уют» Дома дал трещину, обнажив свою истинную, безжизненную суть. Кушетка, на которой он только что спасался от удара, окончательно превратилась в груд ржавых, вонючих ящиков. Изящные вазы стали кусками грязной глины.

Призма в кармане успокоилась, сменив яростную пульсацию на ровное, почти ледяное синее свечение.

Стиснув в руке серебряное зеркальце — единственную вещь, которой он теперь доверял больше, чем собственным глазам, мужчина медленно поднялся на ноги. Колени всё ещё дрожали, а каждый вдох отдавался болью в саднящем горле, но разум, очистившийся от цветочного дурмана, работал с пугающей чёткостью.

— Эйфория... — прошептал он, пробуя слово на вкус. —
Счастье как приманка.

Он окинул взглядом комнату. Прямо на его глазах остатки светлых обоев начали стремительно выцветать, приобретая грязновато-желтый оттенок старой бумаги. Они шли пузырями, с сухим шелестом отклеивались от стен целыми пластами и падали на некогда пушистый ковёр, который теперь выглядел как стоптанная, покрытая плесенью ветошь. По обнажившемуся серому бетону с тихим хрустом поползли тонкие, извилистые трещины. Дом словно старел на глазах, истощённый неудачной попыткой переварить свою жертву.

Мужчина медленно поднял серебряное зеркальце на уровень глаз, ожидая увидеть очередную изнанку этого увядания, но зазеркалье молчало. В тусклом серебряном овале отражалась та же самая мрачная картина: облезлые стены, кучи гнилого мусора, пыль, танцующая в спёртом воздухе, и его собственное измождённое лицо с запёкшейся кровью на шее. Отражение наконец-то полностью совпало с реальностью. Аномалия была мертва. Маски сброшены.

«Что это за место?» — вопрос пульсировал в висках в такт затухающей головной боли.

Он смотрел на облупленные, покрытые сетью трещин стены, пытаясь найти в них хоть малейшую зацепку. Это не было похоже на обычное здание. Архитектура здесь работала как хищный организм, переваривающий законы пространства. Комнаты тасовались, как колода карт, а иллюзии обла-

дали физической плотностью.

«Если это просто галлюцинация, порождённая повреждённым мозгом, коматозный бред или сбой в какой-то высокотехнологичной симуляции, то почему боль такая реальная? — Он осторожно коснулся саднящего горла, чувствуя под пальцами липкую, подсыхающую кровь. Запах ржавчины и пота ударил в нос. — Иллюзия не может порвать кожу. Голограмма не способна задушить. Если бы это было нереально, я бы не плевался кровью, пытаюсь оторвать от себя эту тварь. Физика здесь работает, просто по другим, извращённым правилам. Это место материально. И оно хочет моей смерти».

Его мысли переключились на зияющую пустоту в собственной голове. Память была стерильна.

«Почему я ничего не помню? Амнезия не бывает такой избирательной и чистой. Я не помню своего имени, не помню лиц близких, не помню, как заваривать любимый чай. Всё личное, всё человеческое выжжено дотла. Но при этом... — Он сжал и разжал кулак, оценивая мышечный тонус. — При этом я знаю, как контролировать адреналин. Я знаю, что закрытая дверь — это тактическая преграда. Я мыслю категориями выживания, анализа и логики. Тот, кто стёр мне память, провёл ювелирную операцию. Они убрали эмоции и привязанности, которые могли бы сделать меня уязвимым, но оставили профессиональное ядро. Зачем? Чтобы я стал идеальной лабораторной крысой в этом лабиринте? Или, на-

оборот, это моя защита, сработавшая перед тем, как я попал сюда?»

Он не знал, кто его враг, потому что не знал, кто он сам. Но пустота больше не пугала — она стала его броней. Ему нечего было терять в прошлом, значит, нужно было выигрывать будущее.

Рука машинально скользнула в карман куртки, пальцы нащупали тяжёлые, холодные грани Призмы. Тусклый синий свет пробивался сквозь стекло, отбрасывая на ткань подкладки слабое мерцание.

«А ты что такое? — Он вытащил артефакт, внимательно изучая рваную выемку в центре металлической конструкции. — Ты была со мной с самого начала, с той самой первой комнаты. Ты не часть этого Дома. Ты чужеродна здесь. Когда я начал проваливаться в сон, именно ты обожгла меня холодом, заставив очнуться».

Он провёл большим пальцем по краю пустой выемки. Призма была сломана, вырван с корнем какой-то важнейший стержень. Но даже в таком искалеченном состоянии она пыталась его защитить.

«Ключ? Детектор аномалий? Оружие? Чем бы ты ни была, твоя энергия угасает. Без недостающей детали ты скоро погаснешь, и тогда я останусь с этим Домом один на один. Значит, задача номер один: выжить. Задача номер два: найти деталь и собрать тебя заново. А для этого... для этого нужно идти вперёд».

Он спрятал Призму обратно, застегнул карман и посмотрел на противоположную стену. Там, сквозь осыпавшуюся штукатурку, уже проступали контуры новой двери. Тяжёлой, металлической, без единой замочной скважины.

Он навалился плечом на тяжёлую металлическую створку. Петли поддались не сразу, издав протяжный, болезненный скрежет, эхом разнёсшийся по мёртвому бетону разрушенной оранжереи. Мужчина шагнул вперёд и, как только его нога миновала порог, дверь за спиной захлопнулась с глухим, бескомпромиссным лязгом. Мужчина рефлекторно обернулся: вместо проёма теперь высилась глухая стена. Очередной мост был сожжён.

Новая реальность ударила по органам чувств резким контрастом. Гулкое эхо его собственных шагов внезапно сменилось глухим, шероховатым звуком. Опустив взгляд, он увидел под ногами не паркет и не ковёр, а потрескавшийся мокрый асфальт.

Коридор, в который он попал, был абсурдной, вывернутой наизнанку имитацией городской улицы, запертой в глухих стенах. Потолка не было видно — вместо него нависала плотная, искусственная мгла, из которой торчал одинокий уличный фонарь, заливающий пространство тусклым светом. Пахло бензином.

Но пугало не это. Пугало то, что покрывало стены этого бесконечного тоннеля.

Пространство по обе стороны было заполнено объёмны-

ми, поразительно детализированными фигурами людей и фрагментами обстановки. Они не были нарисованы. Они выступали прямо из стен, словно кто-то взял куски настоящей жизни, залил их прозрачной эпоксидной смолой и вмуровал в кладку Дома. Это походило на гигантские, остановившиеся в мгновении трёхмерные фотографии.

Мужчина медленно пошёл вдоль стены, не убирая руку от кармана с Призмой. Инстинкт требовал достать зеркальце, и он сделал это, но в серебряном овале отражалась та же застывшая, немая картина. Угроз не было. Только тишина.

Вот фрагмент обстановки. Женщина в осеннем пальто подносит к губам картонный стаканчик. Капли пролитого кофе висят в воздухе янтарными бусинами, не подчиняясь гравитации. Её взгляд устремлён куда-то вдаль, за пределы этого коридора. Чуть дальше — кусок проезжей части. Жёлтое крыло такси, брызги лужи, разлетающиеся из-под колеса твёрдыми осколками воды и силуэт спешащего подростка в наушниках.

Все эти люди были лишены цвета, их кожа и одежда казались покрытыми тонким слоем серой пыли, словно выцветшие газетные вырезки.

«Музей? — мысленно спросил себя герой, скользя холодным взглядом по застывшим лицам. — Или склад декораций?»

Он не испытывал страха, только напряжённое недоумение. В этих фрагментах не было никакой системы. Они ка-

зались вырванными из контекста совершенно случайной человеческой жизни. Обыденные, скучные моменты.

Дойдя до конца «улицы», он толкнул следующую дверь — на этот раз стандартную, шпонированную, с прямоугольной табличкой без надписи. Щелчок замка отрезал асфальт, и мужчина оказался в новом пространстве.

Здесь пахло дешёвым пластиком, краской от копировальных аппаратов и застоявшимся кондиционированным воздухом. Глухой гул ламп давил на уши. Это было типичное офисное помещение, или, вернее, его нелепая инсталляция.

И снова — застывшие, выцветшие фигуры. Мужчина в помятой рубашке, зависший над клавиатурой, его пальцы в миллиметре от клавиш. Женщина с усталым лицом, передающая стопку бумаг коллеге — листы выскользнули из папки и навсегда замерли в воздухе белым веером. На краю одного из вмурованных в стену столов стояла кружка с надписью «Босс», из которой поднимался и застывал монолитный, нерушимый столб пара.

Герой прошёл мимо застывшего курьера с коробкой пиццы, внимательно изучая лица. Никакой агрессии. Никаких искажений. Просто моменты времени, посаженные на булавку, как мёртвые бабочки.

«Зачем Лабиринт показывает мне это? — он остановился посреди офисной иллюзии, прислушиваясь к мерному, успокаивающему гулу ламп. — После оранжереи Дом должен был ударить сильнее. Но здесь нет ни ядовитых шипов,

ни удушающего газа. Только слепки чьей-то обыденности. Чьей? Создателя этого места? Предыдущего узника? Или это шаблоны, из которых Дом лепит свои ловушки, вроде той детской комнаты или гостиной с камином?»

В этих застывших кадрах не было ни радости, ни горя — только серая рутина. Изучая их, мужчина не чувствовал ничего, кроме отстранённой логики исследователя. Его стёртая память молчала. Ни один триггер не сработал в его голове при виде офисного кулера или мокрого асфальта.

Он двинулся дальше, лавируя между офисными креслами. Призма в его кармане продолжала ритмично пульсировать ледяным синим светом, словно компас, уверенно ведущий его сквозь этот мёртвый архив. Дом тасовал свои карты. Впереди, в конце офисного лабиринта, уже маячила следующая дверь.

Он толкнул дверь в конце офисного лабиринта. Щелчок замка развеял монотонность окружающих звуков.

За порогом мгновенно исчезли и запахи дешёвого пластика, и мерный гул кондиционеров. Вместо них лёгкие наполнил спёртый, тяжёлый воздух. Это был снова коридор. Узкий, вытянутый, с тусклыми бра на стенах, бросающими пятна света на потускневшие полосатые обои. Точно такой же, как тот, в котором Дом впервые продемонстрировал свою текучую, изменчивую природу.

Мужчина сделал шаг, и дверь за его спиной слилась со стеной, превратившись в глухую кирпичную кладку. Назад

пути нет. Правило работало безукоризненно.

Впереди, метрах в десяти, свет одного из настенных светильников мигнул. Лампа затрещала, забилась в электрической агонии и погасла на секунду. А когда зажглась вновь, мягко разогнав тени, мужчина замер.

Прямо под светильником на корточках сидела знакомая фигура.

Тот самый мальчик. Прозрачно-бледная кожа и неестественно неподвижная поза.

Герой инстинктивно напрягся, его рука скользнула за пазуху, где поближе к сердцу лежало спасительное зеркальце. «В этом месте ничего не появляется просто так», — напомнил он себе. Но мальчик не смотрел на него. В его тонких, изящных пальцах был зажат кусок обычного белого мела.

Раздался сухой, царапающий скрежет. Звук мела по потемневшим доскам пола эхом разнёсся по коридору. Мальчик выводил линии медленно, с пугающей, взрослой сосредоточенностью.

Мужчина сделал осторожный шаг вперёд. Призма в его кармане пульсировала ровным, ледяным ритмом. Опасности артефакт не фиксировал.

— Мы уже виделись, — тихо, стараясь не спугнуть это странное видение, произнёс мужчина. — Кто ты такой? Зачем ты мне помогаешь?

Мальчик замер. Скрежет мела оборвался. Ребёнок медленно поднял голову и их взгляды встретились. В глазах

мальчика по-прежнему плескалась та самая бездонная, древняя скорбь, от которой по позвоночнику ползли холодные мурашки. Он словно знал о Доме всё, и это знание было невыносимым грузом.

Ни единого звука не сорвалось с губ ребёнка. Он просто встал, разжал пальцы, позволив огрызку мела с тихим стуком упасть на пол, и поднял руку. Тонкий палец указал на ближайшую дверь по правой стороне коридора. Затем мальчик повернулся, бесшумно подошёл к ней, нажал на массивную латунную ручку и шагнул в открывшуюся темноту. Дверь плавно закрылась за ним, отрезая силуэт от тусклого света коридора.

Мужчина медленно выдохнул. Он подошёл к тому месту, где секунду назад сидел его молчаливый провожатый. На тёмных, истёртых половицах неровным, но чётким почерком были выведены три крупные буквы.

Т Е О

Тео

Он уставился на белые меловые линии, чувствуя, как внутри, в самом центре его выжженного сознания, что-то едва заметно дрогнуло.

Тео.

Звук этого имени, прозвучавший в его мыслях, не вызвал каскада воспоминаний. Чуда не произошло. Перед глазами не вспыхнули лица из прошлого, не появились адреса или обрывки старой жизни. Его стёртая личность всё ещё оста-

валась чистым листом. Но это короткое слово... оно легло ровно туда, где до этого момента зияла самая страшная, базовая пустота. Оно подошло как идеальный, недостающий фрагмент сложного механизма.

— Тео, — произнёс он вслух, пробуя имя на вкус.

Собственный голос прозвучал иначе. Увереннее. В нём появилась точка опоры. «Он не просто указал мне путь, — аналитический ум мгновенно начал выстраивать логическую цепочку. — Он дал мне константу. В Доме, где меняются комнаты, где искажается пространство, где иллюзии пытаются заменить реальность, единственное, за что можно держаться — это ты сам. Без имени я был просто блуждающей мишенью. Теперь я субъект».

Тео не знал, кем был этот ребёнок. Был ли он застрявшей здесь душой, системным сбоем Лабиринта, пытающимся разрушить его изнутри, или же проекцией подсознания самого Тео, спрятанной глубоко под блоками стёртой памяти. Но это было неважно. Мальчик дал ему оружие, куда более мощное, чем нож. Он дал ему идентичность.

Тео поднял взгляд от меловой надписи на полу и посмотрел на дверь, за которой скрылся ребёнок. В груди разлилась странная, холодная решимость. Дом хотел лишить его всего, расщепить на инстинкты и страх. Но теперь у него было имя.

Он крепче сжал кулак, в котором пульсировал синий свет Призмы, и уверенно зашагал к указанной двери.

Мужчина шагнул за порог, ожидая увидеть бледную фи-

гуру мальчика-призрака, но за дверью никого не было.

Массивная створка захлопнулась за его спиной с тяжёлым, бескомпромиссным щелчком. Тео рефлекторно обернулся, ожидая, что дерево и металл, как и прежде, растворятся, превратившись в глухую стену. Но этого не произошло. Дверь осталась на месте. Обычная, плотная дверь с латунной ручкой.

Он осмотрелся. Пространство, в которое он попал, разительно отличалось от гнилых коридоров и мёртвых оранжерей. Это была не просто галерея, а огромная фотолаборатория — комната для проявки снимков. Помещение заливал тусклый, красный свет специальной лампы, едва выхватывающий из темноты выкрашенные в глухой чёрный цвет стены. Вдоль одной из них тянулся длинный стол с пластиковыми кюветами, над которыми висел тяжёлый, специфический запах химикатов — проявителя и фиксажа. От этих едких испарений тут же начало саднить в горле.

Два высоких окна в комнате были наглухо занавешены многослойными чёрными шторами из плотной ткани. На стене, словно отсчитывая пульс этого места, тикала секундная стрелка массивных механических часов: *тик-так... тик-так...*

По всему периметру в ярких рамах висели снимки, а ещё часть мокрых фотографий всё ещё сушилась на натянутых под потолком верёвках, покачиваясь на прищепках от шагов Тео. Он медленно пошёл вдоль экспозиции. На всех фо-

фотографиях были запечатлены жизнерадостные люди. Широкие, белоснежные улыбки, сияющие глаза, позы абсолютного счастья и безмятежности. Семейные пары на пикниках, смеющиеся дети, обнимающиеся влюблённые — все они казались застывшими в идеальных, глянцевых мгновениях, дико контрастируя с удушливым мраком красной лаборатории.

Но вдруг монотонность часов нарушил новый звук.

Вжик-вжик...

Звук фокусирующегося объектива. Сухой, механический скрежет, раздавшийся прямо из центра пустого зала.

Тео мгновенно замер, рука привычным движением нырнула во внутренний карман куртки и выхватила серебряное зеркальце. Он вскинул его на уровень глаз.

В тусклом серебряном овале отражения реальность мутировала. Со снимков на стенах начали скалиться счастливые лица. Идеальная выставка оказалась галереей изощрённых пыток. Лучезарные улыбки на фотографиях растекались в рваные, кровоточащие раны. Лица были зверски изуродованы, глаза расширены от абсолютного, животного ужаса, а счастливые позы оказались судорогами агонии — запечатлённые люди кричали, пытаясь вырваться за пределы глянцевого листа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.